

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

En. Иоанн (Соколов)

Мысли о Лице Иисуса Христа

Опубликовано:

Христианское чтение. 1875. № 7. С. 103-135.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА

Санкт-Петербург

2010

О ЛИЦѢ ИСУСА ХРИСТА:
МЫСЛИ *) ПОКОЙНАГО ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЮАННА,
ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО,
бывшаго ректора и профессора догматики въ нашей академії.

I.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣть личность во всякомъ дѣлѣ. Въ мірѣ нравственномъ она кладеть свою печать па всѣ дѣйствія человѣка. И всегда, во всякомъ дѣлѣ—вѣрнѣе заключать отъ личности къ дѣлу, чѣмъ на оборотъ: часто бываетъ, что лицо великое и уважаемое случайно можетъ

¹⁾ Считаемъ пужнымъ объяснить читателямъ происхожденіе печатаемыхъ здѣсь «Мыслей». Покойный преосвященный, въ бытность свою ректоромъ нашей академіи (съ 1864 по 1866 г.), занималъ каѳедру догматического богословія. Преподаваніе имъ этого предмета отличалось слѣдующими двумя особенностями: во-первыхъ, лекціи его отличались философско-умозрительнымъ характеромъ, отступая совершенно отъ извѣстныхъ систематическихъ методовъ изложенія догматовъ, а во-вторыхъ, онѣ не писались имъ прежде и не записывались имъ послѣ ихъ произнесенія. Это были въ собственномъ смыслѣ импровизаціи богословствующаго ума, но впечатлѣніе ихъ на студентовъ (XXVI и XXVII курсовъ), при силѣ и глубинѣ мысли и при оригинальности рѣчи, было огромно.

За импровизаторомъ-богословомъ записывали не многіе, потому что экзамены по догматикѣ производились по догматическому богословію преосвященнаго Маркія. Изъ студентовъ XXVII курса (1863—67 г.) записывалъ одинъ только Иванъ Петровичъ Пеньковскій (теперь наставникъ новгородской семинаріи), который и доставилъ намъ печатаемыя теперь лекціи, такъ что мы рѣшительно лишены средствъ исправить и дополнить его запись. А между тѣмъ, при глу-

выпустить дѣло изъ рукъ. Поэтому и намъ, для полнаго пониманія христіанскихъ истинъ—догматическихъ и нравственныхъ, пѣть лучшаго средства, какъ изучить ту Личность, которая основала это ученіе. Эту Личность, Личность Христа мы и прослѣдимъ во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни. Тогда и ученіе будетъ понятнѣе для насъ. Изученіе божественной Личности ведеть къ тому, что свѣтъ отъ нея больше и обильнѣе будетъ падать на ея ученіе, и мы тогда лучше поймемъ то громадное значеніе, которымъ міръ обязанъ ей.

Въ послѣднее время много было попытокъ, — богословскихъ и историческихъ,—съ цѣллю выяснить Личность Спасителя. Но въ этихъ попыткахъ можно замѣтить два основныхъ недостатка: во первыхъ, недовѣріе къ первичнымъ источникамъ, въ которыхъ описывается жизнь Иисуса Христа. Конечно эти источники могутъ подлежать изслѣдованию и съ ученюю цѣллю можно подвергать ихъ критикѣ; но ученая справедливость и здравая логика говорять, что пока не изслѣдованы источники, не нужно писать о жизни Христа. Второй недостатокъ тотъ, что, и съ довѣріемъ относясь къ источникамъ, заранѣе составляютъ для себя масштабъ, съ которымъ приступаютъ къ измѣренію этой Личности. Раз-

бипъ возврѣній, по мѣстамъ въ этихъ лекціяхъ недостаетъ связи въ мысляхъ и точности въ выраженіи. Мы впрочемъ болѣе наклонны отнести этотъ недостатокъ на счетъ записывателя, чѣмъ на счетъ импровизатора-богослова, который обладалъ рѣдкими талантами безъ приготовленія говорить строго послѣдовательно и точно, но за которымъ, въ силу особенной оригинальности его ума и языка, весьма трудно было записывать. Не смотря на то, Редакція съ благодарностью къ И. П. Ценкковскому печатаетъ доставленный имъ лекціи покойнаго ректора и профессора нашей академіи. Печатаніе этихъ «мыслей», конечно, не много прибавитъ къ репутаціи покойнаго, какъ оригинального проповѣдника и ученаго канониста, но оно доставить читателамъ, любящимъ вдумываться въ сущность и судьбы христіанства, не мало интереса, при всей незаконченности вѣшней формы выражения ихъ.

Первые три лекціи были уже напечатаны въ декабрской книжкѣ «Хр. Чтенія» за прошлый годъ; но редакція сочла полезнымъ въ виду того, что въ настоящемъ году втрое большее подписчиковъ, напечатать курсъ лекцій спозна.

Ред.

мѣръ этого масштаба, очевидно, опредѣляется тою точкою зреїнія, которую избираетъ испытующій умъ, значитъ опредѣляется «подлежательно». Въ этомъ случаѣ гораздо уже лучше приготавлять мѣру для опредѣленія личности болѣе широкую, нежели узкую. Узкая рамка сдавить ее и она со многихъ сторонъ не будетъ понята, тогда какъ въ широкой рамкѣ личность лучше обозначится, и если личность высока, широкая мѣрка не скроетъ ея высоты. И это естественно: если нужно бываетъ испытать степень ума человѣка, нужно давать ему для испытания трудъ большой, тяжолый, — умъ слабый прямо покажеть на немъ свою несостоительность, а умъ высокій — свою силу; къ малому же труду высокій умъ отнесется не серьезно. Такимъ образомъ и тѣ господа, которые пытались по евангеліямъ писать жизнь Спасителя, не могли, при своей узкой рамкѣ, изобразить во всемъ свѣтѣ лучезарную Личность Спасителя. Репанъ въ тѣсныя рамки заключилъ жизнь Спасителя, вслѣдствіе чего его книга оказалась слабой и пустой.

Что касается до принятаго у насъ метода отдѣльного изученія догматического ученія христіанства, то этотъ методъ, независимо отъ другихъ недостатковъ, страдаетъ еще тѣмъ кореннымъ неудобствомъ, что здѣсь мы изучаемъ ученіе Христа въ разъединеніи съ Его личностю. Правда, церковь ручается намъ за неповрежденность ученія Христа, но за то при такомъ методѣ мы не видимъ живаго образа Спасителя. Поэтому изученіе становится скучнымъ; изучающему представляются недоумѣнія и сомнѣнія, и неудивительно, если, вместо убѣжденія въ божественности христіанского ученія, онъ впадаетъ въ колеблемость относительно его. Чтобы устранить эти недостатки, мы будемъ изучать ученіе христіанское въ связи съ ученіемъ о Личности Христа, излагая то и другое по порядку евангелій, и тогда наши чтенія получать внутреннюю силу.

Остановившись въ прошлый курсъ на разсмотрѣніи первыхъ проявлений Личности Спасителя въ Его бесѣдахъ съ

учениками, мы не будемъ повторять сказанного. Пойдемъ дальше.

Иисусъ Христосъ величія истины высказывалъ въ простыхъ бесѣдахъ съ простыми людьми. Въ настоящій разъ мы будемъ рассматривать такую бесѣду Его съ женою самарянкою. Чѣмъ поражаетъ насъ въ этой бесѣдѣ Спасителя? — Поражаетъ прежде всего необычайная гуманность. Надобно представить тогданшее разъединеніе между людьми: даже между евреями, людьми родственными, не было единства; гражданское разъединеніе раздѣляло самарянъ и іудеевъ. Причиной такого разъединенія было религіозное предубѣжденіе, — религія стояла тогда на первомъ планѣ. И вотъ при этихъ-то условіяхъ является человѣкъ, который положительно и ясно объявляетъ, что этого раздѣленія — ни религіознаго, ни моральнаго, ни политическаго — не должно быть; всѣ люди, по его воззрѣнію, одиаковы. Это отрицаніе раздѣленій касалось и нравственной стороны; вопреки тогдашимъ общепринятымъ началамъ, Христосъ не даетъ предпочтенія менѣе нравственному предъ болѣе нравственнымъ. Самарянка презрѣнна для іудеевъ во всѣхъ отношеніяхъ, а всего болѣе — въ религіозномъ; кромѣ того она — женщина не нравственнаго характера и дурлого поведенія: по Богочеловѣкѣ Христосъ не обращаетъ на это вниманія; Онъ относится къ ней, какъ къ лицу достойному во всѣхъ отношеніяхъ. Ренанъ говоритъ, «что Иисусъ будто бы пользовался слабыми сторонами женскаго пола, чтобы чрезъ этотъ путь пріобрѣсть большиe популярности въ народѣ». Эта мысль говорить сама о своей фальшѣ.

Посмотримъ на предметъ бесѣды. Какимъ образомъ эта женщина, безнравственная, неспособная на взглядъ другихъ къ воспринятію божественного откровенія, какимъ образомъ она избрана Христомъ для сообщенія ей высочайшихъ истинъ? Нужно имѣть понятіе о нравственности того времени, чтобы видѣть, на какую высоту Христосъ ставитъ своею бесѣдой самарянку. Какой тогданшій человѣкъ могъ бы понять, что

Богу прилично поклоненіе духомъ и истиною? А эти слова Богъ высказывает простой женщина. Богочеловѣкъ глубоко проникалъ въ природу человѣка; онъ зналъ, что въ человѣческой природѣ есть такія стороны, для которыхъ тогдашнее богопоклоненіе было недостаточно, которыхъ оно не могло удовлетворить. Даже умъ, — и тотъ не могъ питаться тѣми формами богослуженія, которыя были въ то время употребительны у іудеевъ; эти формы, хотя сами по себѣ достопочтенные и происхожденія божественного, по вѣчно продолжаться въ человѣчествѣ опѣ не могли; такъ какъ они были чѣмъ-то хрупкими, чѣмъ-то материальными. Нужно было создать новую религию, вѣчную, такую, почва для которой была бы въ самомъ человѣкѣ. Христосъ находитъ эту почву въ глубинѣ человѣческаго духа, почему и самарянка является ему способною къ истинному богопочтенію. Возможны ли такие расчеты для человѣка обыкновеннаго?... Стало быть, Христосъ — то Лицо, которое было выше всего человѣчества. Въ призваніи самарянки къ истинному богопочтенію, къ поклоненію Богу духомъ и истиною, высказалось то начало, которое мы положимъ въ основаніе нашей рѣчи о жизни Иисуса Христа: только тотъ можетъ быть названъ, какъ божественный Основатель, кто во всей глубинѣ, высотѣ и широтѣ пойметъ человѣческую природу, т. е. кто пойметъ всю глубину, высоту и широту морального сознанія человѣчества.

Бесѣда Иисуса Христа съ самарянкою такъ много высокихъ сторонъ представляетъ въ Лицѣ Иисуса Христа, что на ней слѣдуетъ остановиться съ полнымъ вниманіемъ. И во первыхъ, многозначительно для насъ то обстоятельство, что Иисусъ безразлично относится къ личности, съ которой ведеть бесѣду. Христосъ — такое высокое Лицо, и безразлично относится къ тому, кто и какъ Его слушаетъ! Ренанъ называетъ это униженіемъ, и ставить Ему въ укоръ. Но для насъ подъ этою безразличностію открывается много особенно важныхъ чертъ во Христѣ. Мы — люди, — при всемъ нашемъ развитіи, при всемъ нравственномъ индифферентизѣ, при нашей гу-

маниости, никакимъ образомъ не могли бы сами себя поставить въ такое положеніе, въ какое Христосъ поставилъ Себя въ этой бесѣдѣ. Мы не могли бы представить, какимъ образомъ женщина перазвитая, грубая, можетъ понять глубокіе предметы. Далѣе, встрѣчаясь съ женщиной, которая имѣла пять мужей и имѣть еще шестаго незаконнаго, мы никакъ не могли бы отрѣшиться отъ мрачныхъ нравственныхъ сторонъ женщины, и это теперь—когда прошло столько вѣковъ. Этого факта въ жизни Спасителя нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что Іисусъ выше человѣчества, потому что Онъ стоитъ выше слабостей умственныхъ и моральныхъ. Надобно признать, что Іисусъ — человѣкъ былъ слишкомъ высокъ въ умственномъ отношеніи, что Его умъ неограниченъ и необъятенъ, чтобы постигнуть такъ ясно и просто духъ природы такой женщины. Его нравственный характеръ такъ повышенъ, что Его не могутъ отталкивать никакія нравственныя язвы. Это одно событие въ исторіи Спасителя, этотъ одинъ фактъ встрѣчи съ женой самарянкой, если хорошо анализировать ихъ, уже даютъ понятіе о Лицѣ Христа.

Независимо отъ личныхъ свойствъ Христа, необходимо допустить и то, что такое безразличное отношеніе его къ человѣчеству не только немощному, но и обезображеному, такое отношеніе можетъ быть только въ человѣкѣ, который долженъ быть лично занятъ этими язвами; иначе язвы Его оттолкнули бы. Это точно также, какъ къ трупамъ и язвамъ спокойно можетъ относиться только тотъ, кто призванъ къ этому, т. е. врачъ. Не обращая вниманія на дальнѣйшіе факты изъ жизни Христа, одинъ этотъ можетъ показать, что Христосъ долженъ быть врачъ человѣческихъ немощей. Наконецъ должно обратить вниманіе и на то, что бесѣдовать съ такою женщиной можно не иначе, какъ если она существо личное само въ себѣ, и не иначе, какъ если бесѣдующій съ нею поставитъ ее въ уровень съ собой и въ отношеніи умственномъ, т. е. поставить ея умъ на такую высоту, чтобы она понимала его, и когда въ нравственномъ

отношениі поставить ее если не наравнѣ съ собою, то на такую высоту, чтобы ея раны и язвы стушевывались на этой высотѣ. И мы въ Іисусѣ не можемъ не признать этой черты: Онь при всякой встречѣ съ человѣкомъ вывоить человѣка изъ его несчастнаго и приниженнаго положенія и возвышаетъ на такую высоту, что какъ бы уничтожаетъ между Собой и имъ разстояніе. Христосъ хотѣлъ видѣть не случайныя явленія въ человѣкѣ, а человѣчество, его идеальные стороны;— и теперь видѣлъ передъ Собой не женщину, которая вела безнравственную и развратную жизнь, женщину неспособную и неподготовленную, а просто человѣческую паттуру. А паттура, не смотря на свои слабости и пороки, всегда имѣеть въ себѣ восприемлемость къ тому, что выше окружающаго ее, и — всегда сохраняетъ нравственное достоинство. Понятно послѣ этого, почему Христосъ всегда находилъ отголосокъ у всѣхъ людей. Послѣ этого можно отмѣтить и то, что въ бесѣдѣ касается собственно женщины. Фактъ этотъ — встреча Христа съ самарянкой — выводить женщину изъ того положенія, въ которомъ она дотолѣ была; Христосъ этимъ фактомъ ясно указываетъ, что женщина въ мірѣ духовномъ имѣеть положеніе не ниже того, какое занимаетъ мущина; она поднята Христомъ и ей указано, что она, со стороны духовной, можетъ достигать тѣхъ же высшихъ цѣлей, какія преслѣдуется и мущина. Странно! — нинѣ этотъ вопросъ разрабатывается, какъ бы новое что-то. Человѣческій умъ забываетъ при этомъ тѣ основы, которые нужны для разрешенія подобныхъ вопросъ, но которые уже были открыты Христомъ и указаны въ Его бесѣдѣ съ самарянкой!

Что касается предмета бесѣды Христа съ самарянкой, то предметъ этотъ составляло бого поклоненіе, именно — та истина, что *Богъ есть духъ*, что Христосъ ищетъ поклоненія Богу духомъ и истину, и что этотъ образъ поклоненія угоднѣе, чѣмъ заповѣданный въ ветхомъ завѣтѣ, и что онъ долженъ быть повсемѣстный — и въ Іудеѣ и въ Самаріи. Намъ, воспитаннымъ въ христіанствѣ, кажутся эти истины такъ извѣст-

ными, что по видимому пѣтъ нужды задумываться надъ ними особенно долго; но надобно обратиться за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, чтобы понять всю неожиданность и неудобопостижимость этихъ истинъ. Человѣкъ, который такъ просто, безъ умствованій, открываетъ эти истины, долженъ быть выше всего человѣчества. Съ другой стороны, эти истины открываются въ бесѣдѣ съ простою женщиной,—это показываетъ, что эти истины такъ просты и родственны намъ, что ихъ можетъ понять простая, неразвитая женщина. Иначе вышло бы, если бы Христосъ раскрылъ ихъ фарисеямъ и книжникамъ; тогда эти истины не могли бы получить съ первого раза такой прочности и твердости. Онъ здѣсь предлагаются просто, а простота даже въ умозрѣніяхъ есть первѣйшій признакъ истинности.

Называя Бога *духомъ*, Христосъ не хочетъ этимъ выразить одну безплотность, — безплотность была известна и въ вѣтхомъ завѣтѣ. Здѣсь не одно отрицаніе плотности: Бога онъ называетъ духомъ въ смыслѣ абсолютномъ. Сопоставляя эти слова Спасителя съ другими здѣсь же находящимися словами (Иоанн. IV, 25 и 26), нельзя не видѣть, что Онъ этимъ показываетъ и тѣ свойства, по которымъ Онъ имѣть отношеніе къ миру и человѣку. И поклоняться Богу духомъ, это значитъ—надобно возвыситься цѣлому человѣчеству въ духовномъ отношеніи, и до того возвыситься, чтобы быть достойнымъ этого Верховнаго духовнаго существа. Онъ разумѣеть возвышенное развитіе человѣчества умственное и нравственное, чтобы чрезъ это оно сдѣлалось достойнымъ сначала своего человѣческаго достоинства, и затѣмъ уже—Божества.

Поклоненіе истиною: — подъ нимъ надобно разумѣть поклоненіе не только свободное отъ лжи, больше — поклоненіе умомъ, т. е. когда человѣческій разумъ въ своихъ стремленіяхъ къ Богу достигъ такой степени знатія, что болѣе или менѣе прямо и непосредственно касается самой истины; находя полное удовлетвореніе своимъ высшимъ стремленіямъ,

онъ тогда поклонялся бы Богу, отъ Котораго получаетъ это знаніе. Знаніе есть великая сила. Мы въ самомъ ученіи христіанскомъ находимъ указаніе на то, что наша вѣра разовьется *до видѣнія*. Нужно замѣтить, что недостатокъ въ человѣкѣ религіозности, вѣры, — все это имѣеть мѣсто только тамъ, гдѣ нѣть знанія, а гдѣ есть знаніе, тамъ не можетъ быть ни сомнѣнія, ни певѣрія, отвергающаго существо религії. Что это за знаніе? Ученики Христа въ развитіи ученія главнымъ образомъ проповѣдовали вѣру, стало быть, какъ бы не то, что мы разумѣемъ подъ знаніемъ. Тѣмъ не менѣе вѣра евангельская сама въ себѣ заключаетъ зародышъ этого знанія, не того знанія, что мы разумѣемъ въ смыслѣ безусловнаго соглашенія; вѣра въ смыслѣ безусловнаго соглашенія переходитъ въ суевѣріе. Нѣть, — знаніе, зародышъ котораго скрывается въ самой вѣрѣ христіанской, есть то *видѣніе*, которое открываетъ памъ высокіе предметы, указываетъ предметъ и цѣль, къ которымъ долженъ стремиться человѣкъ, это есть созерцаніе Того, Кому долженъ поклоняться человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ. Съ другой стороны, поклоненіе Богу истиною не исключаетъ и того знанія, которое принадлежитъ человѣку въ кругу естественныхъ предметовъ; ибо умъ человѣческій, изслѣдуя естественные предметы, имѣеть стремленіе къ безконечной вѣчной истинѣ. Этимъ Христосъ даетъ понять, что наши естественные познанія имѣютъ и должны имѣть цѣллю эту безконечную истину. Такое знаніе не можетъ быть недостойно Бога, а следовательно должно имѣть и моральное значеніе. И вотъ фактъ, подтверждающій это: — великие люди были и людьми религіозными...

Наконецъ, Христосъ заключаетъ свою бесѣду съ самарянкой тѣмъ, что поклоненіе Богу духомъ и истиною относить къ будущему времени, во всѣмъ послѣдующемъ вѣкамъ. Это показываетъ, что истины, которыя Онъ раскрываетъ въ бесѣдѣ, принадлежать всему человѣчеству всѣхъ временъ. Съ другой стороны, мы усматриваемъ отсюда, что пониманіе людьми этихъ истинъ и въ настоящее время еще далеко не совершенно.

II.

Междъ выражениемъ; въ которыхъ Христосъ характеризуетъ Себя, есть такое, гдѣ Опь приписываетъ Себѣ «жизнь въ Самомъ Себѣ», и это выражение о жизни Опь сопоставляетъ съ выражениемъ о жизни Отца: *якоже Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и сынови животъ имъти въ Себѣ* (Иоанн. V, 26). Такое сопоставление показываетъ, что жизнь, какую Онъ приписываетъ Себѣ, падлежитъ понимать въ смыслѣ не совсѣмъ обыкновенномъ.

Имѣть жизнь въ себѣ самомъ—значить имѣть жизнь независимую, — жизнь, которая развивается сама по себѣ, по своимъ внутреннимъ побужденіямъ, и въ себѣ же самой имѣть цѣли своего развитія. Такая жизнь для настѣ и недоступна и не совсѣмъ даже удобоопытна; потому что самую богатую, самую дѣятельную жизнь, которая не выходитъ изъ уровня человѣческой жизни, нельзя назвать жизнью самой въ себѣ. Наша дѣятельность и жизнь отъ начала до конца подчинены самимъ разнообразнымъ и многосложнымъ условіямъ. Первая и высшая сила человѣческаго духа есть умъ; по и онъ, какъ бы ни былъ силенъ и возвышенъ надъ условіями, нуждается во внѣшнихъ побужденіяхъ, и безъ этихъ побужденій самый гениальный умъ можетъ остаться неразвитымъ. А другія человѣческія силы и способности, напр. чувство, еще болѣе подвержены зависимости отъ этихъ условій. Даже гдѣ наша жизнь по видимому совершенно независима, и тутъ она не можетъ называться жизнью самой въ себѣ, тутъ есть внутренніе законы и масштабы, которыхъ избѣжать мы не можемъ. Слѣдовательно Иисусъ Христосъ когда говоритъ, что имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ, поставляетъ Себя выше всѣхъ людей. Что же это за жизнь?

Этотъ вопросъ решить не трудно, если мы обратимъ свое вниманіе на внутреннюю жизнь Христа, какъ раскрывалась она въ мірѣ во время Его земной жизни. Эта жизнь

не подлежала обыкновеннымъ условіямъ дѣятельности человѣка. При самомъ началѣ своей земной жизни, когда духовные силы обыкновенного человѣка едва только начинаютъ обнаруживать нѣкоторые проблески, Христосъ высказываетъ, что эти силы дѣйствуютъ въ Немъ независимо и сами по себѣ. Для этого стоитъ только припомнить Его бесѣду въ храмѣ, когда Онъ говоритъ, что у Него нѣть отношений семейныхъ и общественныхъ, и что Онъ пришолъ исполнить только волю Небеснаго Отца. Иисусъ Христосъ—это безграничный умъ, который обнимаетъ собой всѣ судьбы человѣческія,—судьбы настоящія и будущія, и не винѣнія только, но судьбы духовныя и нравственныя, которыя болѣе, нежели другія судьбы, подлежатъ неопределимымъ условіямъ. Иисусъ Христосъ — это безгранична сила чувства, которая возвышается надъ всѣми условіями,—это безгранична сила духа, которая въ Его Лицѣ хочетъ обнять все человѣчество все-примирающею и всепрощающею любовію,—это безгранична сила воли, которая все подчиняетъ себѣ, къ чему ни прикоснется:—все это показываетъ, что эта жизнь совершенна, что она есть жизнь сама въ себѣ. — Смотря на Христа со стороны, мы можемъ видѣть, что не Его жизнь опредѣляется виѣшними обстоятельствами, а напротивъ виѣшнія обстоятельства опредѣляются Его жизнью. Даже можемъ видѣть, что виѣшнія обстоятельства для Него вовсе какъ бы не существуютъ. Онъ дѣйствуетъ, какъ еслибы этихъ обстоятельствъ и не было; Его жизнь была совершенна и полна сама въ себѣ.

Если такимъ образомъ жизнь Христа внутренняя, духовная, представляется въ такой независимости, въ такой полнотѣ и силѣ, то, конечно, по самому послѣдовательному закону мышенія, мы можемъ прийти къ такому заключенію, что эта жизнь не могла не возвышаться и надъ условіями физическими; ибо невозможно представить, что предъ такой неограниченной силой должны имѣть какое нибудь значеніе силы физическія. Отсюда уже понятно и то, чѣмъ заключилась жизнь

этого Лица, т. е. понятно Его воскресение; узамъ смерти эту жизнь невозможно было удержать. Далѣе понятно и то, что такая полнота и сида жизни, какъ скоро приходила она въ соприкосновеніе съ жизнью другихъ людей, то не могла въ нихъ не отражаться, не могла не быть источникомъ жизни для другихъ людей. Почему опь и говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвя и живитъ, тако и Сынъ, ихъ же хощетъ, живитъ* (Иоанн. V, 21). По ближайшей связи обстоятельствъ—эти слова относятся къ тѣмъ исцѣленіямъ отъ смертныхъ болѣзней, которые записаны въ Евангеліи, и прежде всего къ заочному исцѣленію сына царедворцева и разслабленного, 38 лѣтъ страдавшаго. Но, само собою разумѣется, эта жизнь могла дѣйствовать и не однимъ непосредственнымъ физическимъ цѣлемъ,—она дальше должна была простираться, и мы видимъ это при малѣйшемъ соприкосновеніи Христа съ другими людьми; одпо слово Его располагаетъ къ Нему; безъ всякаго приготовленія люди бросаютъ все и идутъ вслѣдъ за Нимъ, не давая себѣ въ томъ никакого отчета. Потомъ это же дѣйствие Его безграницной силы видно и изъ того, что довольно было одного слова Его всепрощающей любви, чтобы обратить отчаяннаго грѣшника на истинный путь жизни... Эти и подобные случаи показываютъ, какъ обильно жизнь истекала изъ этой Личности въ жизнь другихъ людей.

Можно даже сказать болѣе,—эти случаи показываютъ еще только зародыши того развитія этой безграничной жизни, какую Іисусъ Христосъ привнесъ въ человѣчество. Если мы обратимъ вниманіе на правственные дѣйствія Его ученія, Его жизни, то можемъ вполнѣ понять выраженіе: *Отецъ Мой воскрешаетъ мертвя и живитъ, и Сынъ, ихъ же хощетъ, живитъ*. Жизнь, которую Христосъ ввелъ въ человѣчество,—эта жизнь духа, въ противоположность плоти, жизнь отрѣпенная отъ грубой вещественности умѣеть возвышаться надъ неизбѣжными условіями человѣческой жизни. Эта жизнь идей, въ противоположность жизни въ образахъ, постоянно развивается въ своихъ потокахъ со временеми появленія христіан-

ства. Эту жизнь мы можемъ видѣть во всѣхъ отделахъ умственной дѣятельности—и въ исторіи, философіи и въ естествознаніи. Да и само человѣчество, независимо отъ своего развитія, съ христіанствомъ пріобрѣло, такъ сказать, идею жизни для себя. Трудно понять, какую идею человѣчество развивало до Христа. Оно представляетъ отрывочныя явленія: — все въ пемъ борется, уничтожается и въ заключеніе ничего неѣтъ. Но со временемъ Христа человѣчество предносить въ себѣ и предъ собою идею, хоть вначалѣ не ясную, неразвитую, но такую, присутствіе которой неоспоримо. Эта идея служитъ основнымъ началомъ жизни человѣчества. Эта идея незамѣтнымъ образомъ связываетъ всѣ по видимому отрывочныя стороны человѣчества, она всѣ ихъ старается соединить въ одно цѣлое: это — одна струя, которая протекла въ человѣчество изъ той жизни, которую Христосъ принесъ на землю въ Своемъ Лицѣ, и эта струя показываетъ, какъ неисчерпаемъ былъ источникъ ея во Христѣ.

Не можемъ не видѣть и другой струи, которая протекаетъ чрезъ все человѣчество и не ограничивается ни мѣстомъ, ни временемъ: — это жизнь чувства, которая выразилась въ Христѣ въ безграничной любви. Нечего говорить о томъ, — какъ эта любовь мало была известна до-христіанскому миру и стало быть сю мы обязаны только Христу. И это начало, которое въ первые вѣка христіанства было особенно живо, какъ новорожденное, впослѣдствіи заглохло и подавлено въ человѣчествѣ; но что она, любовь, живуча въ человѣчествѣ, видно изъ слѣдующаго: когда люди при свѣтѣ просвѣщенія стали углубляться въ христіанство, то замѣтили, что эта-то струя и есть въ христіанствѣ основная сторона. Враждебныя христіанству силы, не смотря на борьбу, не отвергаютъ этого коренного начала жизни христіанства.

Еще струя — это начало свободы — простой, духовной. — свободы не отъ внѣшнихъ узъ, но внутренней, основанной на достоинствѣ человѣка, возрожденного въ христіанствѣ. И только тогда она есть у человѣка, когда онъ живеть согласно

сь основнымъ началомъ христіанства. Истина сдѣлалась первоосновнымъ камнемъ въ пересозданіи человѣчества, любовь—связующимъ элементомъ. До какой степени понятіе о свободѣ легло началомъ жизненнымъ и животворнымъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія христіанскихъ народовъ. Ничему другому, какъ ученю Іисуса Христа обязаны народы своей идею о свободѣ, которая въ настоящее время болѣе и болѣе входитъ въ сознаніе государствъ. А что чувство свободы имѣть и должно имѣть мощное вліяніе на жизнь человѣчества,—само собою понятно.

Эти главныя струи жизни, протекшія въ человѣчество изъ жизни Христовой, служать въ свою очередь источниками другихъ токовъ, которые разливаются въ человѣчество болѣе и болѣе и которые современемъ должны обхватить его и совершиТЬ его полное обновленіе. Конечно, какъ это не могло совершиТЬся въ теченіе двухъ тысячелѣтій, такъ, можетъ быть, пройдутъ еще многіе вѣка, но эти жизненные идеи осуществляются. Такъ велика была возрождающая сила въ Христѣ! Такая духовная жизнь Спасителя не могла не отразиться и во вѣнчайшей Его жизни, и мы не можемъ не прийти къ заключенію, что такая жизнь не можетъ не возвысить человѣка и въ самой Его жизни физической. Человѣчество и въ физическомъ отношеніи не можетъ остаться въ своемъ прежнемъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, осматривая эти второстепенныя токи, мы не можемъ не прийти къ мысли: не можетъ быть, чтобы человѣчество, возвышенное до такой степени духовно, осталось павсегда въ томъ стѣсненномъ положеніи, которое опредѣляется для него естественнымъ или физическими ходомъ вещей. И дѣйствительно, эта жизнь, которую дала Ему Отецъ, до того дойдетъ, что и мертвые воскреснутъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ безгранично развивающійся духъ жизни въ человѣчествѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, не можетъ не возвыситься надъ физическими условіями; онъ, какъ скоро проникнетъ въ человѣчество вполнѣ, не можетъ не подчинить себѣ и законовъ смерти. Нельзя думать, что

это случится только въ отдельныхъ явленіяхъ, какъ это было многократно при жизни Иисуса Христа; эти частные случаи воскрешенія мертвыхъ должны были только служить доказательствами присутствія во Христѣ всесжитворящей силы. Воскрупленные Имъ опять умерли, — это знакъ, что для нескончаемой жизни потребно благопріятное воздействиеніе и со стороны міра физическаго, — чтобы въ самой природѣ не было места для смерти; — а для этого должна наступить особыя эпоха, которую Христосъ относить къ концу міра. Но что это за эпоха? Объ этомъ скажемъ въ другой разъ.

Продолжая разматривать рѣчь, которую велъ Христосъ съ іudeями, находимъ, что «жизнь въ самомъ Себѣ» Онъ соединяется съ особеннымъ фактомъ, который Онъ выражаетъ словомъ «судъ»: — *Отецъ не судить никому же, но судъ весь даде Сынови* (Іоанн. V, 22). Это сопоставленіе понятій указываетъ на то, что судъ до пришествія Христа былъ судъ смерти: «смертию умрете», было сказано; а Спаситель хочетъ сказать, что Его судъ будетъ судомъ не смерти, а жизни.

III.

Мы въ прошлый разъ остановились на томъ, какъ Иисусъ Христосъ приписываетъ Себѣ право суда надъ цѣлымъ человѣчествомъ, — право, которое простирается не только на настоящую участъ человѣка, но и на самую отдаленную его будущность, на цѣлую вѣчность, — и даетъ такой видъ, что отсдѣтъ Отецъ не судить никого, но весь судъ отдаль Сыну.

Почему и на какомъ основаніи это право утверждаетъ за Собою Иисусъ Христосъ? Основаніе этому праву Онъ выражаетъ самымъ необыкновеннымъ образомъ. — Отецъ, говорить Онъ, отдать весь судъ Свой Сыну потому, что Онъ *Сынъ человѣческий*; не говоритьъ, что Онъ *Сынъ Божій*, а *Сынъ человѣческий!* Такое необыкновенное сочетаніе понятій требуетъ особеннаго объясненія и падобно замѣтить, что здѣсь выра-

жается одна изъ глубочайшихъ истинъ евангелия. Судъ прежде всего предполагаетъ законъ, опредѣляющій, что должно дѣлать и чего нельзя дѣлать, и приложеніе этого закона къ дѣятельности, что на языкъ человѣческомъ называется «правдой». Понятіе о судѣ и правдѣ весьма важно для человѣка, потому что отъ нихъ зависитъ не только жизнь внутренняя и внѣшняя, но и понятія человѣка о самомъ добрѣ и злѣ. Конечно, человѣкъ, какъ существо разумное и нравственное, долженъ быть самъ изъ себя развить эти понятія; потому что въ себѣ самомъ онъ носитъ эти начала суда и правды,— онъ изъ себя долженъ быть самъ развить и понятія о судѣ и правдѣ и способы приложенія этихъ понятій къ жизни. По настоящему оно такъ и есть. Мы видимъ изъ исторіи человѣчества, какъ оно постепенно развиваетъ изъ себя эти понятія и само опредѣляетъ судъ надъ собой. Въ этомъ—весь смыслъ исторіи. И конечно, будущія племена чѣмъ болѣе будутъ развивать эти понятія, тѣмъ болѣе будутъ устанавливать судъ надъ собой и тѣмъ болѣе будетъ развиваться самостоятельность нравственной жизни; но такое самовоспитаніе человѣчества не можетъ не быть продолжительнымъ и требуются пѣлныя тысячелѣтія, чтобы дойти до совершенного, неизмѣнного понятія о добрѣ и злѣ, и составить правильное понятіе о судѣ. Съ другой стороны, несмотря на саморазвиваемость суда, человѣкъ все-таки не можетъ обойтись безъ внѣшнаго руководства, которое или давалось бы извнѣ, или помогало бы развитію понятій изъ самого себя. И въ исторіи человѣчества мы видимъ, что законъ и судъ даются отвнѣ: само собой разумѣется, что этотъ судъ или эта правда, опредѣляющая понятія о добрѣ и злѣ и прилагающая ихъ къ жизни и дѣятельности, не могли ии откуда выдти, какъ изъ того же источника, изъ котораго возникла и вся жизнь. Но въ Верховномъ Существѣ человѣкъ видѣлъ идеалъ, по которому долженъ быть составить самое понятіе о судѣ и правдѣ. Такъ мы видимъ это и въ исторіи... Это бевкопечное существо, идеалъ всякаго совершенства, не можетъ ничего иного требо-

вать отъ человѣка, какъ такого совершенства, которое было бы отображеніемъ его совершенствъ; этотъ идеаль не могъ выразиться иначе, какъ требованіемъ, чтобы человѣкъ былъ достоинъ этого совершенства: *святы будите, яко же Азъ святъ есмъ* (1 Петр. I, 16); этотъ идеаль долженъ требовать не меныше, сколько въ себѣ заключаетъ, а въ немъ заключается безконечное совершенство. Но понятно, такому идеалу, такому требованію не можетъ въ скромъ времени соотвѣтствовать дѣйствительное положеніе человѣка. Не говоря уже о естественныхъ несовершенствахъ человѣка, которыя могли устраниться и слаживаться только постепенно—во времени, не говоря уже объ этомъ, даже понятіе о свободѣ человѣка должно было перѣдѣло приходить къ полному затмненію. Всльдѣствие этого необходимо должно было обнаружиться разнорѣчіе между высшую правдою и жизнью, и это разнорѣчіе поражаетъ насъ въ жизни человѣчества па каждомъ шагу; мы не можемъ не поражаться этимъ разнорѣчіемъ, мы не можемъ даже не спрашивать: зачѣмъ дается такой законъ, который не выполнимъ? Но, говорю,—это необходимо; почему? — потому, что источникъ, изъ котораго законъ проистекаетъ, не можетъ дать другаго закона, который не соотвѣтуетъ его достоинству, онъ не можетъ допустить, чтобы человѣкъ дѣлалъ что нибудь недостойное его. Съ другой стороны можно сказать,—внѣшній законъ долженъ быть не чѣмъ инымъ, какъ выражениемъ внутренняго закона; следовательно внѣшній законъ долженъ отражать этотъ внутренній законъ, содѣйствовать тому, чтобы этотъ послѣдній болѣе и болѣе приходилъ въ сознаніе. Такимъ образомъ мы видимъ, что этотъ законъ не смотря на то, что происходитъ изъ верховнаго источника, оканчивался для человѣка смертію: *смертию умрете*, сказано было ему въ самомъ начатѣ, и — *смертию умрете* — постоянно повторялось впослѣдствії. И это необходимо и неизбѣжно потому съ одной стороны, что человѣкъ недостаточно утвердился для того, чтобы могъ выполнить этотъ законъ, а съ другой—всльдѣствіе неизбѣжнаго разнорѣчія между жизнью

и идеаломъ, откуда ничего не можетъ выйти, кроме упадка жизни чрезъ смерть. Такимъ образомъ естественно, что законъ угрожалъ человѣку смертию на каждомъ шагу. И мы видимъ, что правда, которая дѣйствовала на основаніи этого закона, выражалась ничѣмъ другимъ, какъ смертию: то цѣлое человѣчество истребляется потопомъ, то цѣлые народы исчезаютъ, то цѣлые города сожигаются; наконецъ этотъ законъ до того сталъ усиливаться и дѣйствовать неотразимо, что человѣкъ самъ шолъ на встрѣчу этой судьбѣ. Словомъ сказать, въ цѣлой судьбѣ человѣчества ничего не видимъ, кроме смерти. Смерть идетъ по всѣмъ отраслямъ жизни. Посмотримъ на искусство, на философію, науку,—все это поражается какимъ-то отсутствиемъ жизни,—того, что оживляло бы человѣчество; печать смерти лежитъ на всемъ. По естественному порядку такой ходъ исторіи человѣчества не могъ кончиться ничѣмъ другимъ, какъ всеобщею и окончательною смертию всего человѣчества; однако же этого не должно было быть, потому что законъ жизни все-таки оставался во глубинѣ человѣка и такъ крѣпко и твердо, что, несмотря ни на что, эти частные случаи смерти не могли истребить въ немъ этого закона жизни: начало жизни оставалось въ немъ неизмѣнно. Такъ оно и должно было быть, потому что человѣчество произошло изъ начала жизни, которое не имѣть начала, не имѣть и конца. Слѣдовательно для дальнѣйшаго развитія жизни человѣчества нужно было определить судьбу и правду на другихъ началахъ, чтобы не было разнорѣчія, чтобы человѣчество не находилось въ вѣчной борьбѣ между жизнью и смертию. Это новое начало жизни, эти—«судьба» и «правда»—должны были произойти нѣкоторымъ образомъ изъ другаго источника или изъ того же, но другимъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если этотъ вѣнчаний законъ и судьбу будемъ рассматривать не въ его источникѣ, а въ содеряніи, въ самомъ существѣ его, то не можемъ не замѣтить слѣдующей особенности: этотъ вѣнчаний законъ состоять изъ разнаго рода предписаній нравственныхъ, правиль и требованій; эти требованія облечены въ различ-

ныя формы, но содержаніе ихъ имѣть характеръ какой-то материальности. Такъ оно и должно быть, потому что этотъ законъ и эта правдашли извнѣ, а не изнутри; этимъ объясняется и то, что этотъ вѣнчаній законъ, простираясь на вѣнчанію жизнь, простирался и на внутреннюю, но не достигъ до глубины человѣческаго духа. Вотъ если бы этотъ законъ могъ воздѣйствовать, проникнуть въ самую глубину духа, тогда вышло бы совершенно другое. И, странно, этотъ законъ, опредѣлявшій главнымъ образомъ вѣнчанія стороны человѣка, какъ будто вовсе не хотѣлъ касаться его духовной стороны, какъ будто не прозрѣвалъ сущности, не предполагалъ, что человѣкъ, нарушающій правила, можетъ быть гораздо лучше въ духѣ своемъ. Но для того, чтобы такая правда была основана, для этого нужно было, чтобы она шла инымъ путемъ, возникла изъ самой среды человѣчества, чтобы, заключая въ себѣ высшія нравственныя требованія, она очень хорошо знала, что такое духъ человѣческій и что такое его внутренняя жизнь. А для этого правда должна была возникнуть изъ среды жизни человѣка. И вотъ объясненіе на то, что говоритъ Іисусъ Христосъ: *Отецъ не судить никому же, но судъ вѣсъ даде Сынови*, потому что Онъ — *Сынъ человѣческій, и область даде Ему и судъ творити, яко Сынъ человѣчъ есть* (Іоан. V, 27). Мысль такая. Отецъ какъ бы говорить Сыну: «Мой судъ и Моя правда тяжелы для человѣка, Мой судъ не ведеть къ добру,—онъ не выполнимъ для человѣка, Моя правда не можетъ имѣть иного послѣдствія, какъ только смерть его; но такъ какъ Ты принимаешь на Себя жизнь человѣческую, можешь войти во внутреннюю жизнь человѣка и отразить ее въ Себѣ, то вслѣдствіе этого я предоставлю Тебѣ и судъ надъ человѣкомъ; суди его не со стороны высшей правды, а соотвѣтственно его потребностямъ и нуждамъ».

Вотъ гдѣ вся глубина и вся величость идеи всемирнаго искушенія. Если мы будемъ смотрѣть на это съ указанной нами сейчасъ точки зрѣнія, то поймемъ, что правда и судъ не могутъ ограничиться одною вѣнчаніемъ стороны человѣка,

т. е. судъ не можетъ быть совершенъ тогда, когда онъ разсматриваетъ одинъ виѣшній фактъ жизни человѣка, потому что за этимъ фактомъ всегда стоитъ самъ человѣкъ. Истинный судъ будетъ тотъ, который судить не фактъ взятый отдельно, но и саму личность; истинный судъ не тотъ, который знаетъ прилагать судъ къ факту, но тотъ, который знаетъ сколько законъ съ одной стороны, столько же съ другой стороны сердце человѣческое. Въ сердцѣ человѣческомъ есть такие факты, которые могутъ оправдывать человѣка, несмотря на его дурные виѣшніе факты, и наоборотъ. Что въ этомъ случаѣ мы не ошибаемся о судѣ, который Іисусъ Христосъ приписываетъ Себѣ надъ человѣкомъ, мы видимъ изъ исторіи самого Христа:—какимъ образомъ этотъ Судья, вида предъ Собой явную преступницу, взятую на мѣстѣ преступленія, вида все, заставляющее приложить къ ней всю силу закона, — какимъ образомъ этотъ судья въ тоже время и не оправдываетъ преступницу, и извиняетъ и прощаетъ ее? Не такъ фарисеи; они съ своей точки зрѣнія ничего не видѣли здѣсь, какъ только одинъ виѣшній фактъ, они осудили ее на побоеміе камнями и они были съ своей стороны справедливы. Истинный судья не тотъ, кто судить фактъ, а тотъ, кто знаетъ сердце человѣческое. Іисусъ Христосъ постигалъ человѣка; человѣкъ, несмотря на непривлекательныя свои виѣшнія стороны, по внутренней жизни можетъ быть очень высокъ; при томъ фактъ виѣшній никоимъ образомъ не можетъ выражать цѣлого человѣка; человѣкъ внутри себя можетъ быть выше собственныхъ своихъ поступковъ, природа его души всегда будетъ превосходить размѣры виѣшнихъ фактovъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что Іисусъ Христосъ право суда соединяетъ въ Себѣ съ тою полнотою жизни, которую Онъ приписалъ Себѣ, по которой Его судъ является не судомъ смерти, а судомъ жизни: Отецъ не судить никого, но Свой судъ весь отдалъ Сыну. *И слушай словесе Моего, говоритъ Спаситель, и вѣруй Пославшему Мя, и матъ животъ спасенный* (Іоан. V, 24). Это значитъ, что та полнота жизни, которую носитъ въ Себѣ

Иисусъ Христосъ, изъ Него переходить въ жизнь человѣчества и приносить съ собой ту живительную и животворную силу, которая возвышаетъ духъ человѣка до такой степени, что онъ получаетъ возможность стать выше всѣхъ условій, которыхъ влекутъ его къ злу; это значитъ, что внутренняя духовная жизнь Иисуса Христа можетъ и должна развиться до такой степени въ человѣчествѣ, что дастъ послѣднему силы стремиться къ добру и содѣлаетъ его господиномъ падъ самимъ собой,—и какъ прежде всякое нарушеніе закона вело неизбѣжно къ смерти, такъ теперь случайное нарушеніе закона можетъ привести къ жизни: *и на судъ не придетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ.*

IV.

Когда Иисусъ Христосъ въ назаретской синагогѣ раскрылъ книгу пророка Исаіи, то прочиталъ: *Духъ Господень на Меня: Его же ради помаза Мя благовѣстити нищимъ, послано Мя исцѣлiti сокрушенныя сердцемъ: проповѣдати плененнымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе: отпустити сокрушенныя въ отраду: проповѣдати лѣто Господне пріятно* (Лук. IV, 18 и 19). Это мѣсто изъ евангелія можетъ служить самой лучшей характеристикой Его собственной Личности и Его миссіи. Оно является другомъ и благодѣтелемъ человѣчества. Мѣсто изъ пророка Исаіи, случайно или неслучайно открывшееся, изображаетъ страданія человѣчества, и такъ какъ эти страданія лежать въ основѣ всей жизни человѣчества, то можно представить, до какой степени широка и глубока душа этого Лица, готовая обнять всѣ стороны страданій человѣчества,—какая у Него сила духа, чтобы посвятить себя дѣлу—служить человѣчеству, и какое самоотверженіе, чтобы не подавляться всею тяжестью этихъ человѣческихъ немощей. Надобно еще вспомнить—какой взглядъ господствовалъ въ тѣ времена на разныя страданія человѣка, чтобы понять необычайность миссіи; известно, что тогда вся-

кое страданіе было знакомъ отверженія человѣка, возвуждала презрѣніе къ страждущему.

За симъ самъ собою представляется вопросъ: какимъ образомъ Иисусъ Христосъ хочетъ избавить человѣчество отъ страданій? Само собою понятно, что это избавленіе нужно понимать не какъ вѣшнее избавленіе отъ вѣшнихъ скорбей,— такое избавленіе было бы избавленіемъ не отъ всѣхъ скорбей. Нельзя представить жизни человѣчества ни въ какое время, когда бы она была свободна отъ всяческихъ скорбей; никакая наука до сихъ поръ еще не нашла способа для того, чтобы избавить человѣчество отъ его страданій; они—своего рода законъ, который лежитъ въ глубинѣ природы человѣческой. Слѣдовательно, когда Иисусъ Христосъ изображаетъ свою миссію такъ, что Онъ пришолъ освободить человѣчество отъ его страданій, это заставляетъ насъ отыскать другую точку зреянія на этотъ предметъ. Въ самомъ выраженіи пророка Исаи: *посла Мя исцѣлити сокрушенныя сердцемъ*, показывается, что здѣсь должно разумѣть не одно вѣшнее освобожденіе отъ вѣшнихъ страданій, а основной законъ, лежащій въ глубинѣ человѣческой жизни. Эта мысль паводитъ на особенные стороны предмета, которыми имѣть въ виду Христосъ. И мы видимъ, когда Онъ осуществлялъ свою миссію,—миссію избавленія отъ страданій, то никогда не ограничивался одними вѣшними сторонами, но всегда при этомъ соединялъ и внутреннія стороны. Словомъ сказать, здѣсь идетъ рѣчь о страданіяхъ человѣчества преимущественно моральныхъ. Если даже будемъ смотрѣть на страданія, какъ на обстоятельства, касающіяся какбы одной вѣшности, то увидимъ, что и въ этомъ случаѣ они имѣютъ моральный характеръ уже потому, что всегда страдаетъ нравственное существо, которое не можетъ страдать вѣшне, не страдая внутренно, и самый опытъ свидѣтельствуетъ, что страданія отъ вѣшнихъ болѣзней всегда соединяются болѣе или менѣе съ моральными причинами, такъ что эти причины предполагаются страданіями; нравственныя поврежденія приводятъ че-

ловѣка въ виѣшнимъ несчастіямъ—нищетъ напр., а пищета къ такимъ дѣйствіямъ правственнымъ же, который несообразны съ достоинствомъ человѣка. Во виѣшнихъ страданіяхъ всегда есть сила, отъ которой главнымъ образомъ зависить ихъ тяжесть. Эта сила — сила моральная, это — то глубокое чувство, по которому человѣкъ сознаетъ себя какъ будто несправедливо страждущимъ, которое тяготитъ его и заставляетъ признавать, что виѣшнія страданія дѣйствуютъ неотразимо на его внутреннюю моральную сторону, которое убиваетъ въ немъ духъ, отнимаетъ самодѣятельность; эта-то моральная сила внутреннихъ страданій человѣчества придаетъ особенную тяжесть его виѣшнимъ страданіямъ; это — ядъ, скрытый во всѣхъ виѣшнихъ страданіяхъ. То или другое виѣшнее страданіе еще можно было бы перенести благодушно, но эта внутренняя сила и малыя страданія дѣлаетъ невыносимыми. Къ этому нужно прибавить и то, что эти неизбѣжныя условія жизни человѣческой — страданія всегда какъ будто унижаютъ человѣка въ глазахъ другихъ людей, справедливъ или несправедливъ этотъ взглядъ самъ по себѣ — это другой вопросъ. Но несомнѣнно то, что такое понятіе существуетъ, человѣкъ чѣмъ больше подавленъ несчастіями, тѣмъ больше въ своихъ глазахъ и въ глазахъ другихъ теряетъ свое достоинство. Вотъ эта-то моральная основа страданій человѣчества, этотъ-то ихъ внутренній характеръ, эта-то внутренняя сила ихъ и составляетъ предметъ миссіи Спасителя.

Какимъ образомъ, спрашивается, при такихъ условіяхъ могло быть освобождено человѣчество? Ясно, что при этихъ условіяхъ человѣкъ могъ освободиться отъ своихъ несчастій въ жизни не иначе, какъ если будетъ отнятъ этотъ нравственный характеръ отъ его страданій, если будетъ подавлена эта внутренняя сила, словомъ сказать, когда онъ удалить отъ себя эту нравственную почву, на которой возрастаютъ бѣдствія человѣка. Ясно, никакой человѣческій умъ разрѣшить этой задачи не могъ и не можетъ. Этотъ вопросъ

можно рѣшить только перестроивши всю жизнь человѣка, преобразовавши, такъ сказать, человѣка; надобно, чтобы человѣкъ нравственnoю силой стала выше этихъ условій жизни; въ такомъ только случаѣ они дѣйствительно могутъ потерять всю ядовитую свою силу и свои жестокія для него послѣдствія. Далѣе нужно признать, во первыхъ, что при такихъ условіяхъ человѣческой жизни, надѣ послѣднею тяготѣтъ какой-то законъ, который требуетъ, чтобы жизнь человѣка не иначе шла, какъ подъ такими условіями, т. е. что это законъ какой-то правды, которая требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ страдалъ, потому что условія, подъ которыми онъ живеть, заставляютъ его страдать и не страдать онъ не можетъ. Во вторыхъ, нужны такія моральныя силы, которые бы возвышали его надѣ вѣнчими условіями; но для этого не нужно перестраивать жизни человѣка по той причинѣ, что перестроить такъ нельзя. Слѣдовательно, если является лицо, которое хочетъ помочь въ этомъ отношеніи человѣчеству и помочь дѣятельнымъ образомъ, это лицо должно выполнить вышеизложенныя условія; оно должно отнять силу отъ тяготѣющаго надѣ человѣкомъ закона, усилить нравственную силу, поставляющую человѣка выше этихъ условій, — однимъ словомъ должно вдохнуть въ человѣка новую жизнь. Опять-таки надобно сказать, напрасно мы стали бы отыскивать такое лицо среди людей. Но вотъ мы видимъ, является лицо и беретъ на себя рѣшеніе этой задачи такъ: оно съ одной стороны хочетъ удовлетворить правдѣ, съ другой сообщить человѣчеству новую жизнь — *проповѣдати лътъ Господне пріятно.* Само собою понятно, что Спасителю не иначе можно было удовлетворить этой нравдѣ, какъ подъ условиемъ, если Онъ самъ въ Своей личности будетъ выше этого закона, — это высказалъ самъ Спаситель, когда по приведеніи мѣста изъ пророка Исаї замѣтилъ: *всяко речете ми притчу сию: врачу, исцѣлися самъ* (—23). Естественно было людямъ того времени сказать: «какъ ты можешь избавить человѣчество, когда самъ человѣкъ; не лучше ли тебѣ подумать о себѣ,

чѣмъ брать на себя такое дѣло? Однакожъ, избавленіе человѣчества, совершеннное Иисусомъ Христомъ, было возможно, потому что лично Онъ былъ выше этихъ условій, самъ лично Онъ не подлежалъ суду этой правды; Онъ, удовлетворяя сїй, самъ принялъ на Себя страданія, на Свою душу принять всю тяжесть всевозможныхъ страданій человѣчества; Его страданія были только внѣшнимъ выраженіемъ тѣхъ страданій, какими внутренно страдалъ Оно за человѣчество.

Другое условіе для избавленія человѣчества, это — чтобы была вдохнута новая жизнь. Это Иисусъ Христосъ выполнилъ тѣмъ, что действительно Своимъ учениемъ и полнотою жизни, которую носилъ въ Себѣ самомъ, провелъ въ человѣчество струю этой новой жизни. Это высказалось въ томъ, что христианство дало человѣку такія моральные силы, которые ставятъ его выше всѣхъ внѣшнихъ условій, — тогда какъ до христианства это было невозможно и немыслимо. Въ христианствѣ слѣдующій фактъ общеизвѣстенъ: человѣкъ страдаетъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, но силой духа своего онъ стоитъ выше собственныхъ страданій. И въ этомъ отношеніи человѣчество чрезъ Иисуса Христа получило дѣйствительную свободу, какъ Онъ прямо выразилъ это, когда сказалъ: *Мы отпустити сокрушенныя въ отраду;* надобно разумѣть здѣсь ту высшую моральную свободу, которую ничто не можетъ стѣснить. Отсюда вытекаетъ и тотъ взглядъ на человѣчество, по которому внѣшнія страданія, — какъ бы они ни были велики, — никакъ не унижаютъ его. Нижій прокармливается крупицами, падающими со стола богатаго; этотъ нижій несколько не ниже богатаго. Равнымъ образомъ и другой страждущій человѣкъ, какія бы ни были его страданія, — заключенъ ли въ тюрьму, изгнанъ ли, осужденъ ли судомъ какбы по справедливости, — эти страданія не уничтожаютъ въ немъ человѣческаго достоинства. И очень можетъ быть, человѣкъ, презираемый въ средѣ людей, по силѣ нравственной можетъ быть выше тѣхъ, которые презираютъ его. Такимъ образомъ миссія Иисуса Христа, выражаемая въ томъ,

что Онъ пришолъ проповѣсти людьтъ Господне пріятно, можно сказать, касается самого важного вопроса въ жизни человѣчества, потому что это—вопросъ о достоинствѣ человѣка.

V.

Послѣ этой бесѣды съ народомъ въ синагогѣ, Іисусъ Христосъ отправился къ озеру Генисаретскому, и здѣсь на берегу его призвалъ къ Себѣ двухъ апостоловъ, потомъ еще двухъ изъ мытарей (Лук. V, 1 — 11; Марк. I, 16—20). Въ этомъ событии обращаетъ наше вниманіе прежде всего то, что первые послѣдователи Спасителя, ученики Его, были избраны изъ самаго простаго званія, изъ людей, нравственная жизнь которыхъ была чужда всего искусственнаго. Очень понятно, что самая простота правовъ, свойственная этого рода жизни, имѣла много привлекательнаго для Іисуса Христа. Въ избраніи Іисусомъ Христомъ учениковъ изъ такой среды можно находить черты, глубоко характеризующія Личность самого Спасителя. Нельзя думать, чтобы ученики Іисуса Христа, эти простыя души, были единственнымъ убѣжищемъ для христіанства; нельзя думать, чтобы религія христіанская не была доступна людямъ образованнѣмъ; нельзя думать, будто религія христіанская свойственна только неразвитымъ. Правда, есть въ христіанской религіи стороны, которыя болѣе родственны простымъ людямъ; но здѣсь, въ избраніи Іисусомъ Христомъ учениковъ изъ простаго народа, видится другая болѣе широкая причина: исторія показываетъ, что перевороты совершаются цеорѣствомъ простыхъ силъ; какіе бы ни были эти перевороты — гражданскіе, религіозные, или нравственные, все они большою частию совершаются простыми людьми. Цари совершаютъ перевороты, но при этомъ дѣйствуютъ все-таки люди простые. Причину такого явленія отыскать не трудно. Для дѣла великаго, глубоко проникающаго въ жизнь человѣческую, для такого дѣла силы не свѣжія, испорченныя, жизнь искусственная или закоренѣлая въ своихъ застарѣлыхъ понятіяхъ и нравахъ,—такал

жизнь и такія силы не годятся для него; чѣмъ тажелѣе работа, тѣмъ должны быть свѣжѣе и крѣпче силы. Такимъ образомъ и переворотъ, который Христосъ пришолъ совершить, долженъ былъ совершиться посредствомъ свѣжихъ силъ. И чѣмъ этотъ переворотъ шире, тѣмъ проще и крѣпче должны были быть и избранныя Имъ силы. Такимъ образомъ легко можемъ представить слѣдующее: такихъ силъ Христу нельзя было отыскать среди образованнаго народа, или на вершинахъ жизни гражданской. Въ высшихъ слояхъ общества, современаго Христу, напрасно были бы поиски за жизнью, полною такихъ силъ; тамъ порча простидалась на все. Если гдѣ жизнь была неиспорчена, то это въ низшихъ слояхъ общества. Потомъ, если будемъ разматривать самое существо христіанства и тотъ переворотъ, который оно должно было произвести, то увидимъ, что дѣятелями должны были быть люди простые. Здѣсь первое, что представляется, это—глубина ученія. Казалось бы, чѣмъ шире и глубже ученіе, тѣмъ умъ для воспріятія его долженъ быть развитѣе. Но это въ обыкновенныхъ вещахъ. Здѣсь же умъ развитый не могъ воспринять собственно ничего въ первую пору, здѣсь умъ только боролся бы съ христіанствомъ. Мы знаемъ, что въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, умы образованные вели упорную противъ христіанства войну. — Почему же простые умы требовались самымъ существомъ ученія христіанскаго? Потому, что это ученіе отъ тѣхъ, которые хотятъ принять его, требуетъ отъ начала до конца вѣры. Вотъ то начало, котораго не могутъ усвоить умы развитые, а умъ простой легко можетъ воспріять его, ибо онъ не имѣеть на столько способовъ и средствъ, чтобы бороться съ христіанствомъ. Начало вѣры сродно самымъ простымъ воззрѣніямъ самыхъ простыхъ умовъ. Такъ было не только въ началѣ христіанства, но и въ теченіе всего времени, пока существуетъ христіанство.

Во вторыхъ, чтѣдѣль здѣсь представляется, это—правственная сторона христіанства. Христіанство заключаетъ въ себѣ такія добродѣтели, какъ смиреніе, кротость, любовь,

самоотвержение и др. Это такая сторона, которая уму развитому не может быть такъ доступна, какъ уму простому. Образованіе всегда предполагаетъ въ человѣкѣ самоуваженіе и самолюбіе,—а это такія понятія, которыхъ не легко подчиняются религіознымъ понятіямъ и требованіямъ. Въ низшемъ сословіи въ силу его малыхъ преимуществъ христіанство могло найти удобную почву для себя. Исторія христіанства подтверждаетъ это. Существо христіанства состоитъ въ поклоненіи Богу духомъ и истиной. И это доступно только сердцу простому, только простое сердце можетъ возноситься до той высоты, какой требуетъ христіанство. Напротивъ духъ искусственно развитый не такъ легко можетъ возноситься, — онъ легче и скорѣе обращается къ себѣ самому и ищетъ въ своихъ средствахъ и способахъ решенія вопросовъ жизни. Къ этому нужно прибавить, что христіанская религія по самому своему направленію такова, что ее можно назвать религіею людей бѣдныхъ, незнанныхъ, несчастныхъ, униженныхъ, вообще такихъ людей, которые далеки не только отъ искусственныхъ преимуществъ, но и далеки отъ обыкновенныхъ утѣшений жизни. Не то это значитъ, что направление христіанства исключительное, но самый духъ его таковъ, таковъ внутренній его характеръ, какъ и Самъ Спаситель изобразилъ это, когда представилъ Себя посланнымъ для всѣхъ несчастныхъ въ мірѣ. Мы можемъ вывести теперь и тѣ послѣдствія, которыхъ отсюда сами собой вытекаютъ, — именно можемъ представить, какъ христіанство обращалось къ этимъ низшимъ слоямъ общества, къ этимъ простымъ душамъ, этимъ самымъ обращеніемъ поставляло слои общественные на такую высокую степень, на какую никакой умъ, никакой законъ не могъ поставить ихъ. Это было нравственное воззвание человѣчества. Призваніемъ простыхъ людей къ распространенію христіанства, можно сказать, непосредственно рѣшался вопросъ о жизни общественной. Иисусъ Христосъ этимъ показываетъ, что и простой народъ въ жизни человѣчества долженъ иметь обширныя права на жизнь нравственную; Онъ показалъ также, что народъ простой можетъ выходить и на

общественную дѣятельность. Можно при этомъ только удивляться, какимъ образомъ эти вопросы, решенные на первыхъ страницахъ Евангелія, стали принадлежностю только нашего времени? Причина этому простая—люди предшествовавшаго времени не озабочились изученiemъ этихъ страницъ Евангелія. Эти страницы постигались только церковю, она съ первыхъ поръ взяла подъ свое покровительство народъ, но потомъ самимъ же народомъ все это было забыто, заброшено и подавлено... Христосъ къ проповѣданію Своего высочайшаго ученія призвалъ простыхъ рыбаковъ. Съ этой стороны разсуждая объ основныхъ чертахъ христіанства, мы можемъ прийти къ тому заключенію, что народная масса составляетъ первую его почву, а отсюда всегда составляла и будетъ составлять всю его силу. И мы видимъ, что масса народная своею нравственною, духовною силою рождала самые важные вопросы христіанства. Такъ на первыхъ порахъ, когда церковь была въ бѣдствующемъ положеніи, сила, поддерживающая ее, приходила отъ народа. На вселенскихъ соборахъ находились представители вѣрующаго народа. Знаемъ также, что и при раздѣлениі церквей однѣ народъ противостоялъ кознямъ папъ и рождалъ тогдашніе вопросы. Такъ, переходя къ нашему времени, когда религія христіанская со всѣхъ сторонъ подвергается всевозможнымъ нападеніямъ, видимъ, что всѣ эти нападенія со стороны ли науки, или образованного общества, ничего не значатъ предъ народной массой; народъ составляетъ неодолимую силу христіанства. И даже нельзя не улыбнуться, когда видишь, что умъ образованный оказывается настолько наивенъ, что иногда одною книгою хочетъ уничтожить христіанство. Если бы даже всѣ образованные умы соконулись въ одну нераздѣльную армию съ цѣллю идти на церковь, тогда съ другой стороны возстанутъ неисчислимыя арміи народа, и эти арміи уничтожать первую не оружіемъ науки и даже не физической силой, а побѣдять неотразимою нравственною силой. Эта сила въ массѣ во всякомъ случаѣ останется непобѣдимою. Можно предпо-

лагать и даже за вѣрное полагать, что вопросы христіанства, теперь разрабатываемые наукой, не будутъ рѣшены ни ею, ни умами политическими, но за разрѣшенiemъ ихъ обратятся къ массѣ народной; народъ будетъ призванъ рѣшать эти вопросы, какъ онъ былъ призванъ рѣшать вопросы о раздѣлѣніи или соединеніи церквей.

Такимъ образомъ то, по видимому очень простое обстоятельство, что Иисусъ Христосъ набралъ Себѣ учениковъ изъ простыхъ людей, если хорошенько анализировать его, оказывается имѣющимъ громадное значеніе.

Указавъ, что Иисусъ Христосъ избралъ Своихъ учениковъ изъ среды самыхъ простыхъ людей, чтобы призвать па великое дѣло силы свѣжія, что эти простыя силы пужны были не для начала только распространенія христіанства, но что, представляя собою массу, отъ составляютъ внутреннюю правительницую силу христіанства, и что, какъ масса, отъ противостояли всѣмъ враждебнымъ силамъ христіанства, мы подтверждимъ это исторіей христіанства. Такъ для принятія христіанства тогдашніе образованные народы, римляне, оказались несостоятельными и были призваны малоазійскіе народы, потомъ племена славянскія. Въ настоящее время, когда европейскіе народы, посредствомъ цивилизациіи, свои внутреннія силы болѣе и болѣе подвергаютъ порчѣ, призываются опять свѣжіе народы—въ Китаѣ, где уже много христіанъ.

VI.

Послѣ того, когда Христосъ избралъ въ Свои ученики рыбарей, на пути замѣтилъ мытаря и призвалъ его къ Себѣ однимъ словомъ (Мате. IX, 9—13; Марк. II, 13—17; Лук. V, 27—32). И когда повонизванный принялъ Христа въ свой домъ, весь домъ его былъ наполненъ мытарями. Извѣстно существовавшее въ то время понятіе о мытаряхъ, и попятіе по тому времени справедливое, почему фарисеи не упустили случая и на этотъ разъ упрекнуть Христа. На упреки ихъ

Иисусъ отвѣтизъ, что Онъ пришолъ исцѣлить не праведныхъ, а грѣшныхъ. Такимъ образомъ къ тѣмъ элементамъ, которые положены Имъ въ христіанствѣ, присоединяется новый элементъ: христіанство—это религія для грѣшниковъ, въ немъ призываются къ обновленію силы испорченныя: *не придохъ призвати праведныхъ, но пришныя въ покалніе* (Лук. V, 32). Призваніе мытарей не было однимъ внѣшнимъ и случайнымъ фактомъ; въ этомъ фактѣ обнаруживалось, что религія христіанская заключается не въ одномъ догматическомъ ученіи, и не въ однихъ нравственныхъ правилахъ, а въ себѣ самой заключающей и моральную силу, которая дѣйствуетъ не только на непросвѣщенный умъ, но дѣйствуетъ и на испорченное сердце. Этой силой она и возрождается. Разсматривая христіанство съ этой точки зрењія, находимъ въ немъ новую характеристическую черту, которая въ свою очередь характеризуетъ Личность самого Спасителя.

Обращаясь къ человѣку, религія проникаетъ до самой его глубины, и если находить въ немъ такія силы, къ которымъ можетъ привить свои элементы, человѣкъ является новымъ, возрожденнымъ. Безъ сомнѣнія, эта возрождающая сила христіанства сперва заключалась въ Личности Спасителя, наполнила Его, и изъ Него непосредственно дѣйствовала на другихъ. Потомъ эта возрождающая сила заключается въ самомъ существѣ христіанства. Факты обращенія людей къ христіанству подтверждаютъ эту истину. При этомъ все зависитъ отъ того, какъ люди будутъ пользоваться этой силой, на сколько окажутся достойными ея проводниками и какъ будутъ воспринимать ее. Въ чомъ состоить эта сила и какъ она проявляется? Этотъ вопросъ, по своей глубинѣ трудный для решенія, рѣшили фарисеи и книжники, сами того не сознавая. Когда Иисусъ бесѣдовалъ съ мытарями, они сказали,—это другъ мытарей и грѣшниковъ — яко съ мытари и грѣшники ястъ и піетъ (Марк. II, 16). Этимъ они рѣшили вопросъ. Христосъ есть дѣйствительно другъ грѣшниковъ, и въ глубинѣ христіанства лежитъ это начало, начало дружбы ко всѣмъ грѣшникамъ.

Органъ, посредствомъ котораго дѣйствуетъ возрождающая сила, это—любовь, та любовь, которая была отличительпою чертою Спасителя и которая составляеть основу христіанства. Если бы мы стали анализировать любовь даже по однімъ психическимъ ся свойствамъ, не подводя подъ высшія начала христіанства, то нашли бы, что въ ней та сила, которая дѣйствуетъ на человѣка сильнѣе меча, потому что ея дѣйствія, всегда живительны, становятся неотразимыми, когда присоединяется къ ней элементъ христіанства. Сила любви въ самомъ отъявленномъ грѣшникѣ пробудить чувство человѣческаго достоинства. Когда требуютъ отъ грѣшника дѣла труднаго, для выполненія котораго у него не хватаетъ силъ, то отъ этого грѣшникъ дѣлается упрямѣе, потому что онъ видитъ здѣсь одно неосуществимое требование. Но когда обращаются къ нему не съ укоромъ, не съ требованіемъ, а съ одною любовію, то очень понятно, если любовь возбудить въ немъ чувство собственнаго достоинства и скрывающаяся въ немъ искра новой жизни воспламенится, и такимъ образомъ неѣть ничего удивительнаго, если онъ преобразуется и станетъ новымъ человѣкомъ. Какъ въ Личности Христа Спасителя, такъ и въ цѣломъ христіанствѣ, мы видимъ это возвышенное и возвышающее начало человѣчности. Христосъ, когда обращается къ человѣку, прежде всего старается видѣть въ немъ человѣка, его внутреннюю сторону; и на почвѣ человѣчности, своимъ непосредственнымъ вліяніемъ, сбѣть съмена новой, лучшей жизни. Отсюда неизбѣжный выводъ: въ жизни христіанства успѣхи могутъ совершаться и быть совершены только въ томъ случаѣ, когда со вниѣ бывають усиленныя воздействиа на человѣка, и когда эти воздействиа ударяютъ на внутреннюю его сторону,—обращаютъся къ человѣчности. А отсюда новое заключеніе: Иисусъ показалъ намъ, что въ дѣлѣ нравственного возрожденія, которое должно совершать въ мірѣ христіанство, возрождающая сила должна быть обращена не на выдающіяся лица, но на тѣ слои жизни, гдѣ воздействиа ея болѣе всего могутъ быть сильны,—это слои простаго народа. Разумѣется, если бы кто изъ со-

временниковъ Христа спросить Его:—къ кому удобнѣе обратить такое высокое учение, какъ Его, для воспріятія которого требуются характеры нравственные и возвышенные, какъ не къ лицамъ съ такимъ высокимъ характеромъ?—то Іисусъ, какъ показываютъ Его дѣйствія, отвѣтилъ бы отрицательно! Сила и высота христіанского ученія болѣе всѣхъ доступны простому народу. Поэтому, если христіапскій проповѣдникъ хочетъ проповѣдывать христіанство, и хочетъ, чтобы оно прочно утверждалось въ извѣстномъ народѣ, ему надобно обращаться съ проповѣдью не къ личностямъ какимъ нибудь отдельно стоящимъ отъ народа, а къ массѣ народной, и должно стараться утвердить сначала ту почву, которая должна воспринять въ себя и возрастить потомъ сѣмя евангельского ученія.

(Окончаніе будетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии
www.spbda.ru**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки